

На правах рукописи

Робинов Олег Юрьевич

**МОСКОВСКАЯ ХРАМОВАЯ КУЛЬТУРА
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.**

Специальность: 24.00.01 Теория и история культуры

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации
на соискание ученой степени
кандидата культурологии**

Москва – 2011

Работа выполнена на кафедре теории и истории культуры факультета культурологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственная академия славянской культуры».

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Кучмаева Изольда Константиновна

Официальные оппоненты: доктор культурологии, профессор
Орлова Ольга Владимировна
кандидат культурологии
Кутикова Наталья Анатольевна

Ведущая организация: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»; кафедра философии.

Защита состоится «__» _____ 2011 года в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.044.01. в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Государственная академия славянской культуры» по адресу: 125373, г. Москва, ул. Героев Панфиловцев, д. 39 к. 2

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Государственная академия славянской культуры».

Автореферат разослан «__» _____ 2011 года

Ученый секретарь
диссертационного совета,
профессор ГАСК

С. И. Бажов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Тенденции развития современного общества вызывают особенные опасения. Навязывание чуждых идеалов массовой псевдокультуры, пропаганда насилия и разврата, утверждение жесткого рационализма, власти материальных ценностей взамен духовных, широкое распространение наркомании и алкоголизма, все это способствует развитию бездуховности общества, а в конечном итоге к нравственной деградации нации. В условиях кризиса всех сфер общественной жизни, в пору некритического перенимания образцов западной массовой культуры остро встает вопрос о необходимости реконструкции тех смыслообразующих пластов предшествующей культуры, которые могут сегодня стать опорой в ходе возрождения основных национальных идеалов и ценностей.

Особую роль в этом процессе необходимо отвести возрождению церковной культуры и в частности, храмовой культуры. В 1980-е годы после длительного времени атеизма и бездуховности, российское общество и государство стало обращаться к прерванному диалогу с Церковью. Ключевым моментом явилось празднование в 1988 году Тысячелетия Крещения Руси, с которого в Советском Союзе начался процесс постепенного открытия церквей и монастырей. В 1991 году президент России Б.Н. Ельцин подписал Указ о передаче Русской Православной Церкви всех принадлежавших ей ранее зданий. Начинают восстанавливаться полуразрушенные и пришедшие в ветхость церкви, появляются домовые храмы при больницах, тюрьмах, учебных заведениях, начинается строительство церквей и часовен на новых, возникших в советское время кладбищах, строительство и открытие новых приходских церквей.

В 1989 году Московским Патриархатом был объявлен конкурс проектов храма-памятника Тысячелетию Крещения Руси. Долгий век забвения не мог не отразиться на современном восприятии храмовой архитектуры – конкурс показал непонимание архитекторами художественных и функциональных задач храма. В связи с этим перед современными архитекторами встают

сложнейшие вопросы, связанные с выбором стилевых и конструктивных решений архитектуры новых храмовых построек, с изменением градостроительной функции церковного здания в современном городе, с проблемой каноничности современных церковных построек.

Вновь открываемые церкви сразу стали средоточием общественной жизни, вокруг них стали создаваться приходские общины. Люди объединялись на литургии в храме, но объединялись и во внехрамовой деятельности. Прихожане понимали, что необходимо возрождение нравственных основ жизни общества, воспитание детей и молодежи, возрождение деятельности по оказанию помощи бедным и неимущим, то есть тех основ благотворительности, на которых до 1917 года держалась вся социокультурная среда России, и что является одной из главных общественных функций прихода.

Осенью 1988 года по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена (Извекова) в церкви Воскресения Словущего на Успенском Вражке (тогда ул. Неждановой) была открыта первая в России и Москве Воскресная школа для детей. С конца 1980-х – начала 90-х годов начинает возрождаться благотворительность, традиции которой были прерваны в 1920–30-х гг., когда все благотворительные общества были закрыты. Законодательной основой явилось принятие 11 августа 1995 года Федерального закона Российской Федерации 135-ФЗ «О благотворительной деятельности в благотворительных организациях» (в ред. от 30.12.2008 г.)¹, Федерального закона Российской Федерации от 12 января 1996 г. 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» от 15 января 1996 г. (ред. от 23.07.2008 г., с изм. от 24.07.2008 г.)² и Федерального закона Российской Федерации от 26 сентября 1997 года 125-ФЗ (в ред. от 23.07.2008 г.) «О свободе совести и о религиозных объединениях»³. Около 30 из 200 действовавших в Москве в 1993 году храмов и монастырей взяли на себя патронаж над домами ребенка, детскими больницами, школами-интернатами, над пансионатами для ветеранов труда,

¹ Собрание законодательства РФ от 14 августа 1995 г. 33. - Ст. 3334

² Собрание законодательства РФ. - 1996. - 3. - Ст. 145

³ Российская газета. - 1997. - 01 октября.

уход за больными (обычно наиболее тяжелыми) в больницах, оказание гуманитарной медицинской и духовно-просветительской помощи прихожанам, предоставление бесплатных обедов для бедных после воскресной службы и т.д.⁴ Вновь стала формироваться храмовая культура Москвы, развитие которой было насильственно прервано в 1917 году.

В связи с этим большое значение приобретает восстановление и изучение тех культурных сфер и периодов истории русской культуры, которые заложили основы восстанавливаемой сейчас духовной жизни России. Одним из таких периодов является храмовая культура Москвы первой трети XIX века, тесно связанная с деятельностью митрополита московского Платона (Левшина) и митрополита московского Филарета (Дроздова), причисленного Русской Православной Церковью к лику святых.

Храмовая и храмостроительная культура, сформировавшаяся в Москве, восстановленной после пожара 1812 г., – исключительное явление в русской истории и культуре. Это был период большого национального подъема, вызванного народным освободительным характером Отечественной войны 1812 года и ее победоносным завершением. Тогда была создана единая архитектурно-пространственная система центра города, сформирована стилевая целостность его застройки, отличающаяся выразительностью и художественным совершенством. Это было время, связанное с возрождением духовной жизни русского общества, после некоторого отхода в XVIII в. в сторону светского, атеистического направления.

За время многовекового строительства в Москве сложилась прочная архитектурная традиция, определившая своеобразие облика города. Ее существенной чертой является преемственная связь градостроительных и архитектурных решений московских зодчих всех строительных периодов. Это характерно и для архитектуры первых трех десятилетий XIX в., которая

⁴ Крюков Н.П. Возрождение общественной и частной благотворительности в регионах.// электронный ресурс - http://www.ecsocman.edu.Ru/data/862/627/1219/krukov_vozrozhdenie_blagotvoritelx27nosti.PDF – дата посещения – 12.04.2011.

неразрывно связана не только с достижениями архитектуры классицизма второй половины XVIII в., но и всех предшествующих веков.

В то же время, с 1812 г. в Москве начинается новый этап развития большого и целостного стиля русского классицизма, обычно именуемого как стиль ампир (Empire, стиль империи). «Классицизм и вытекающий из него стиль ампир – последнее великое переживание в истории русского искусства, – писал В.В. Згура. – Ампир завершил собою огромный художественный период, начатый Возрождением. С ним кончилась и целая культура человеческого духа»⁵.

Как справедливо отмечал И.Э. Грабарь⁶, именно в I трети XIX в. в Москве сложились классические типы общественных и жилых зданий, родились новые градостроительные замыслы, иные, по сравнению с Петербургом, приемы и формы решения общей для русской архитектуры эпохи классицизма задачи – создание регулярной ансамблевой застройки большого города, где храму отведено центральное место. Сложившийся в данный период особенный, отличный от предыдущего времени тип храмового здания – еще одна яркая грань архитектуры московского ампира. Роль церковной архитектуры в формировании нового, «более регулярного» облика Москвы важна не менее, чем роль дворцовой архитектуры и архитектуры частных особняков. Однако, в существующей, достаточно обширной искусствоведческой и культурологической литературе посвященной данному периоду, архитектурный образ ампирных храмов, практически не рассматривается. В лучшем случае церкви, построенные выдающимися зодчими начала XIX века, просто перечисляются, как фактический материал.

Несмотря на внешнее несоответствие ордерных архитектурных форм ампира стилям древнерусского зодчества, именно в этой архитектурной среде стали закладываться основы будущего возрождения национальной архитектуры

⁵ Згура В.В. Старые русские архитекторы. Серия: Искусство. Вып. 9. Ред. П. П. Муратова. М.-Пг.: Госиздат, 1923.

⁶ Грабарь И.Э. Москва и Петербург.// Игорь Грабарь. О русской архитектуре. М., «Наука», 1969.С.310-312.

в к.ХІХ – н. ХХ вв. Этот период, в свою очередь, послужил отправной точкой формирования современного церковного зодчества к.ХХ – н.ХХІ вв.

Состояние научной разработанности проблемы. Научно-исследовательской литературы, посвященной 1 трети ХІХ века достаточно много. Это, в первую очередь, труды по изучению истории данного периода, на который приходится также такие яркие и значимые события русской истории, как война с Наполеоном, правление Александра І, его реформы, а также события 14 декабря 1825 года на Сенатской площади С-Петербурга и их последствия для русского общества. Первая треть ХІХ века – яркий расцвет русской литературы, ее «золотой век». Много трудов посвящено исследованию поэзии этого периода, в первую очередь, творчеству А.С. Пушкина и кругу его друзей. Особое место занимают воспоминания выдающихся русских государственных и общественных деятелей, относящиеся к этому времени, в которых ярко представлен быт русского общества, даны живые характеристики и образы представителей разных кругов. Однако, исследований, касающихся именно вопросов культуры этого времени не так много. Среди них особое место занимают труды Ю.М. Лотмана, в частности его пронизанная мыслями о непрерывности культурно-исторического процесса, интеллектуальной и духовной связи поколений монография «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (ХVIII-начало ХІХ века)»⁷, раскрывающая глубокий и разнообразный мир повседневной жизни русского дворянства, который составляет культурный контекст исторических событий, культурных и духовных явлений этого периода.

В силу политических обстоятельств, практически не изученной явилась церковная культура данного периода. До 1917 года в литературе были рассмотрены персоналии церковных деятелей, их пастырское служение, богословские труды и труды по вопросам устройства церкви. После 1917 года исследование этой важнейшей стороны русской культуры прекратилось.

⁷ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (ХVIII-начало ХІХ века). СПб, «Искусство – СПб», 1994.

Важным событием конца XX века явилось переиздание в 1994 году «Истории русской церкви» митрополита Макария, где в контексте общих исторических вопросов автор касается и вопросов церковной культуры. В это же время появляются и другие труды по истории русской православной церкви. Большое значение имеет выпуск многотомного издания Православной энциклопедии, отдельные статьи которой также посвящены разным вопросам церковной культуры.

Среди церковных деятелей, определивших духовное развитие общества первой трети XIX века, в первую очередь необходимо назвать имена митрополита Московского Платона (Левшина) и митрополита Московского Филарета (Дроздова). Литература, посвященная деятельности митрополита московского Платона (Левшина), в основном относится к периоду до 1917 года. С именем митрополита связано формирование в России науки библеистики, его богословские труды были опубликованы еще при жизни. Исследованию его пастырского служения посвящены труды А.А. Горского, А.А. Беляева, В. Виноградова, С.К. Смирнова, Е. Поселянина. В 1907 году вышла книга И. Громогласова «Новое исследование о митрополите московском Платоне. Критико-библиографический очерк», а в 1913 году Н.П. Розановым была написана монография «Московский митрополит Платон». Новые исследования появились уже в конце XX века - в 1990-е годы: «Из глубины воззвах к тебе, Господи...» Автобиография, избранные проповеди, письма. М., 1996, «Азбука добродетели», «Отец Московского духовенства. Жизнеописание митрополита Московского и Коломенского Платона (Левшина)», Л.М. Анисимова. Однако, этих исследований недостаточно, необходимо рассмотреть конкретное влияние митрополита Платона на формирование духовных основ приходской жизни Москвы.

На первый взгляд, деятельность митрополита Филарета достаточно полно освещена в литературе. Для обозначения совокупности всех исследований, связанных с митрополитом Филаретом, был введен особый термин «Filaretica». «Filaretica» делится на две большие группы: одна –

изданные еще до 1917 года «Собрание сочинений Филарета», «Собрание писем Филарета», «Собрание резолюций Филарета», которые составляют основную источниковедческую базу для характеристики личности и деятельности митрополита. Вторую группу изданий составляет литература о митрополите Филарете. Сразу по его кончине были написаны «Надгробное слово в память митрополита Филарета», протоиерея А.В Горского, «Слово при поминании в Бозе почившего высокопреосвященнейшего митрополита Филарета в 40 день по кончине его» Амвросия (А.И. Ключарева), «Два слова на кончину митрополита Филарета», И.А. Сергиевского. В Трудах Киевской духовной академии Пономаревым были опубликованы материалы для биографии митрополит Филарета. Особенно необходимо выделить труд Сушкова Н.В. «Записки о жизни и времени митрополита Филарета», который лег в основу многих опубликованных позднее трудов о митрополите. В 1875 году разрозненные замечания, записки и высказанные мнения были собраны в «Очерке жизнеописания митрополита Московского Филарета» (М,1875). Исследованию разных областей деятельности митрополита Филарета были посвящены труды И.Н. Корсунского, Н.И. Барсова, протоиерея Василия Беликова, Д.И. Введенского, А. Городкова, Якова Зарницкого, М.И. Звездинского, М.М. Тареева, М. Чепика, А.П. Смирнова, В. Назаревского, Д. Наумова. Много воспоминаний, отдельных фактов, мнений Филарета разбросано в периодических изданиях – «Душеполезном Чтении» и других духовных журналах. В основном – это литература, изданная до 1917 года. После длительного перерыва, обусловленного политической ситуацией в России, к изучению трудов и биографии, а также святительского служения митрополита Филарета обратились вновь в 1990-е годы. В 1994 году были обретены мощи святителя и на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2 декабря 1994 года митрополит Филарет был причислен к лику святых. Мощи святителя Филарета первоначально были перенесены в Трапезный храм во имя преподобного Сергия, а затем в Успенский собор Троице-Сергиевой лавры. 9 июня 2004 года мощи святителя Филарета были перенесены в Москву

в кафедральный соборный храм Христа Спасителя. С этого времени вновь начинается публикация трудов митрополита Филарета, специальная статья была посвящена Святителю в энциклопедии «Христианство» (М., 1995). Однако, в литературе до сих пор не исследован вопрос о влиянии митрополита Филарета на формирование культуры приходской жизни Москвы, хотя все исследователи отмечают, что он был центральной, влиятельнейшей не только для России XIX столетия личностью, «пред которой склонялись монархи трех царствований и миллионы простого русского народа», но и для церквей всего православного Востока, и для инославного Запада, «где читались французские, немецкие и английские переводы Филаретовых творений»⁸. Долгая жизнь и высокий сан Филарета, при глубоком уме и твердой воле, не могли не оказать сильного влияния на русское общество.⁹

Вопросы механизма наследования культуры, культуры общения были исследованы в трудах И.К. Кучмаевой, Г.С. Батищева, Ю.М. Лотмана.

Понятие «наследование культуры», исключительно важное для данной работы, было впервые введено в научный оборот И.К. Кучмаевой. Автор отмечает, что любые попытки спасти от гибели шедевры мировой культуры, в том числе ампиры первой трети XIX века, какими-либо практикуемыми сегодня средствами – будь то консервация, реставрация, музеефикация и т.д. – сами по себе оказываются недостаточно эффективными. Представляется, что суть постоянно воспроизводимой ошибки состоит в том, что игнорируется сам замысел бытия в мире такого рода ансамблей. В сущности, они являлись формой материализации и воплощения глубоких духовных смыслов, определенного типа взаимосвязи человека с миром и служили воспроизводству определенного уровня личностной культуры. Это означает, что вне процесса повседневного воспроизводства этих смыслов в сознании каждого нового поколения сохранение этих архитектурных форм нравственно и духовно

⁸ Ливанский И., прот. Высокопреосвященнейший Филарет, митрополит Московский. Орел, типография Губернского Правления, 1907.

⁹ Филарет, митрополит Московский. Христианство. Энциклопедический словарь в 3-х тт. М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. Т.3.С.112-113.

обесценивается (этим, в частности, объясняется сегодня и вандализм по отношению к некоторым храмам со стороны одних групп населения, и попытка коммерциализации – со стороны других). Иначе говоря, сохранить такого рода храмовые ансамбли нельзя, не рождая их заново, как целостные, живые организмы, а значит, не воспроизводя ту культурную среду, в которой только и возможна их жизнедеятельность, выявление и воспроизводство запечатленной в них исторической памяти.

В работах И.К. Кучмаевой сформулирован ряд понятий, ключевых для данного диссертационного исследования: «социальные закономерности и механизмы наследования культуры», «уровень освоения культуры прошлого», «функции культурного наследия», «традиция как механизм наследования культуры», «профессиональный и обыденный уровень освоения культуры», «стиль культурного наследования», «реальный и потенциальный фонды культурного наследия» и т.д.¹⁰.

Вторая категория, не обращаясь к которой невозможно всерьез говорить о развитии культурной среды города, и особенно о храмовой культуре – это культура общения, которой особое внимание уделял выдающийся русский философ доктор философских наук Генрих Степанович Батищев. В этой связи он часто употреблял термины «онто»- и «психокоммуникация», «другодоминантность», «глубинное общение» и т.д. Он считал, что предпосылкой к подлинному, глубинному общению может быть преодоление своецентризма, открытие себя во всей возможной полноте. Он зовет нас к вертикальному видению Другого. Такая позиция, ведущая читателя к Богословским глубинам, безусловно, близка современным раздумьям о духовной жизни возрождаемых храмовых приходов¹¹.

В дореволюционной и современной литературе практически не рассмотрен вопрос о приходской жизни храма. Все известные по этому вопросу

¹⁰ См., например: Кучмаева И.К. Социальные закономерности и механизмы наследования культуры. М., 2006; Культура и судьбы мира. Универсализм регионального./Составитель, автор и отв. редактор И.К. Кучмаева. М., 1997.

¹¹ Батищев Г.С. Введение в диалектику творчества. СПб, 1997; Генрих Степанович Батищев/ Под ред. В.А. Лекторского. М., 2009.

исследования были в основном опубликованы до 1917 года. После 70-летнего перерыва публикации возобновились с конца 1980-х – начала 1990-х годов, и в первую очередь, они коснулись образовательной деятельности приходов. Обзор основной литературы по данной теме сделан в статье Е.А. Никитской «Воскресная школа как феномен педагогической действительности. История и современность», опубликованной в 2008 году в «Вестнике ПСТГУ»¹². Она отмечает, что во второй половине XIX века проблемами церковно-приходских воскресных школ занимался известный русский врач и педагог Н.И. Пирогов, открывший в 1859 году в Киеве первую такую школу¹³. Сложившееся представление о воскресных школах отразила статья К.Д. Ушинского «Воскресные школы», напечатанная в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1861 году¹⁴. Для современного читателя эти публикации стали доступными в изданных в 1940-е – 1950-е годы собраниях сочинений Н.И. Пирогова и К.Д. Ушинского. Во 2 половине XIX – начале XX вв вопросы соотношения светского и религиозного образования и воспитания в школах были рассмотрены в трудах таких мыслителей и педагогов, имевших священнический сан, как протоиерей Сергей Булгаков, протоиерей Василий Зеньковский, священник Павел Флоренский и др. Среди них особенное место занимает митрополит Макарий (Невский), который впервые поставил вопрос о соответствии школьного светского общественного воспитания воспитанию религиозному и христианским ценностям в целом. Митрополит Макарий призывал педагогов и родителей к «одухотворению» педагогического процесса, говорил о необходимости направлять учебно-воспитательную деятельность не на прагматическую философию приспособления к существующей социальной жизни, а на нравственное совершенствование воспитанников¹⁵. В.В. Зеньковский писал, что воскресная школа должна быть внутренне пронизана религиозным началом, чтобы она по своему духу вела детей к церкви, а не

¹² Никитская Е.А. Воскресная школа как феномен педагогической действительности. История и современность. // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2008. Вып. 2 (9). С.121-132.

¹³ Пирогов Н.И. О Воскресных школах. // Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения. М., 1952.

¹⁴ Ушинский К.Д. Воскресные школы. // Избранные педагогические сочинения. М., 1945. С.96.

¹⁵ Макарий (Невский), митрополит Московский. Избранные слова, речи, беседы, поучения. М., 1996. С.100-101, 176-177.

уводила от нее, чтобы она укрепляла и развивала религиозные запросы детей, а не убивала, не коверкала их¹⁶.

Вновь к вопросам религиозного просвещения подрастающего поколения регулярно, начиная с 1990-х годов обращался Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексей II, отмечавший, что сейчас перед церковно-приходскими школами стоит качественно новая задача – не готовить учащихся к поступлению в духовные училища, а дать им необходимую сумму религиозно-нравственных знаний и практических навыков для жизни в мире по принципам православной веры¹⁷. Задачам развития православного образования, духовно-нравственного просвещения общества, осмыслению проблем науки и культуры с точки зрения православного мировоззрения, расширению сотрудничества Церкви и государства в области образования посвящены ежегодные Международные Рождественские образовательные чтения, которые впервые прошли в Москве в 1993 году. Они выросли из конференции православных педагогов Москвы и стали важнейшим фактором развития просветительской деятельности приходов и воскресных школ. В 1991 году был учрежден Отдел религиозного образования и катехизации РПЦ, одной из важнейших задач которого становится организация воскресных школ при каждом церковном приходе. В 90-е годы начался активный процесс качественного и количественного развития воскресных школ по всем епархиям РПЦ. В 1999 году было опубликовано «Положение о Церковно-приходских воскресных школах для епархии г. Москвы», в котором был определен статус воскресной школы. Согласно «Положению» она является начальной формой религиозного образования, посредством которого у детей и взрослых пробуждается и воспитывается произволение ко спасению души, приводящее в итоге к духовному преображению личности и воцерковлению, формируется православное мировоззрение¹⁸. В современном понимании воскресные школы не дублируют общеобразовательные школы, и допускают большое

¹⁶ Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М., 1996. С.167.

¹⁷ Обращение Патриарха Московского и всея Руси на епархиальном собрании 25 марта 2003 года. М., 2003. С.27.

¹⁸ Цит. по ст.: Никитская Е.А. Ук.соч. С.130.

разнообразие форм занятий и работы с учащимися. По «Положению», они должны быть связаны с приходом и духовно окормляться священнослужителем¹⁹. Огромную положительную роль в развитии воскресных школ сыграла публикация «Положения об аттестации работников церковно-приходского образования», которое поставило вопрос об уровне квалификации преподавателей воскресных школ. Рассматривая вопрос о воскресных школах, Никитская Е.А справедливо отмечает, что воскресные школы XIX века были созданы для обучения грамоте и письму ремесленного и рабочего класса, современные же воскресные школы призваны транслировать, прежде всего, духовно-нравственные основы Православной Церкви и религиозные знания желающим из всех слоев и возрастных групп российского общества.²⁰ В целом, история становления воскресных школ при приходских храмах в настоящее время кратко рассмотрена на ряде сайтов храмов г. Москвы: опубликованы уставы школ, сделаны сообщения об образовательной и паломнической жизни приходов. Однако, обобщающего труда, характеризующего эту сторону приходской жизни Москвы, до сих пор нет.

Другим направлением деятельности церковных приходов является благотворительность. Традициям благотворительности на Руси скоро будет уже 2000 лет. Историки считают, что первые упоминания о необходимости помощи «неимущим и сирым» содержатся в договоре князя Олега с греками 911 года. Важным толчком к развитию благотворительности или призрения на Руси явилось принятие христианства в 988 году. Призрение нуждающихся вменялось в обязанность монастырям и церковным приходам, которые должны были содержать богадельни и давать приют странникам и бездомным. Примером системно организованной приходской благотворительности является деятельность Елисаветинского благотворительного общества, учрежденного в 1892 году и состоявшего под попечительством Преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы Феодоровны (Романовой). Задачами общества было

¹⁹ Никитская Е.А. Ук.соч. С.131.

²⁰ Никитская Е.А. Ук.соч. С.131.

призрение детей-сирот, незаконнорожденных младенцев, детей малообеспеченных родителей. Для этой цели во всех приходах Москвы были учреждены Елисаветинские приходские комитеты, которые и занимались этой работой. Вся благотворительность Москвы конца XIX – начала XX вв. курировалась Великой Княгиней Елисаветой Феодоровной. Координация и дальнейшее ее развитие стали задачами деятельности Марфо-Мариинской обители в Москве, основанной Елисаветой Феодоровной в 1909 гг. В связи с тем, что понятие благотворительности было совершенно исключено из советского общества, исследования на эту тему относятся, в основном, к периоду до 1917 года. Однако, в силу специфики самого этого вида общественной деятельности, и литература о нем носит более информативный, чем обобщающий характер. Активное обращение к вопросам благотворительности относится к 1990-м годам, началом можно считать учреждение в 1991 году Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению Русской Православной Церкви. Основные задачи отдела — координация церковных социальных начинаний во всех епархиях Русской Православной Церкви, создание общецерковного массового добровольческого движения милосердия. Социальное служение Церкви в постсоветской России начало возрождаться в 90-е годы XX века с деятельности братства св. Анастасии Узорешительницы в Санкт-Петербурге и Свято-Димитриевского сестричества в Москве.

Среди появившихся в последнее время трудов по изучению благотворительности в России можно назвать исследования Ульяновой Г. Н., Власова П.В., Бадя Л.В., Ушакова А.В.. Большой интерес вызывают исследования деятельности отдельных общественных и государственных организаций благотворительности в России, например, Рогушиной Л.Г. и Соколова А.Р. об «Императорском Человеколюбивом обществе», Черкинской Н. В. о «Ведомстве учреждений императрицы Марии», Коненковой А.К. о Московском городском Рукавишниковском приюте для малолетних, Е.В. Храпониной о домах трудолюбия. Очень важную и значимую работу в деле

изучения основ благотворительности проводит Государственная академия славянской культуры, где с 1999 года по инициативе и под руководством президента ГАСК Кучмаевой И.К. проводятся Свято-Елисаветинские чтения, посвященные исследованию жития и деятельности Преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы Феодоровны²¹. Церковная приходская благотворительная деятельность, тем не менее, еще недостаточно изучена.

Русская архитектура I трети XIX века была достаточно исследована, но в контексте мировой архитектуры в 12-ти томной энциклопедии «Всеобщая история архитектуры» (1970-73), где данному периоду посвящен 6-й том (Архитектура России, Украины, Белоруссии. XIV – первая половина XIX вв). В рамках общего развития русской архитектуры данный период отражен в таких общих курсах, как вышедший в 1956 году фундаментальный труд «История русской архитектуры» для архитектурных вузов (под ред. С.В. Безсонова), изданный в 1983 году и уже несколько раз переизданный труд «История русской архитектуры», под общей ред. Ю.С.Ушакова, Т.А. Славиной, а также в исследовании Иконникова А.В. «Тысяча лет русской архитектуры. Развитие традиций». В русле общего развития русского искусства архитектура ампира рассмотрена в соответствующем томе фундаментального академического 13-ти томного исследования «История русского искусства», осуществленном под общей ред. И.Э. Грабаря, а также в классическом издании Академии художеств

²¹ Ульянова Г. Н. Благотворительность в российской империи: XIX – начало XX вв СПб., 2005.; Рогушина Л. Г. Императорское Человеколюбивое общество // Благотворительность в России. 2002. СПб., 2003. С. 290-302; Соколов А. Р. Благотворительная деятельность «Императорского Человеколюбивого общества» в XIX веке // Вопросы истории № 7, 2003. С.96-101; Ушаков А. В. Общественные организации интеллигенции и государственная власть в России в конце XIX — начале XX вв. // Власть и общественные организации России в первой трети XX столетия. М., 1994.; Уроки милосердия: Книга для чтения. СПб., 1992; Черкинская Н. В. «Завещаю оказывать истинную любовь к ближнему...» (Ведомство учреждений императрицы Марии) // Российский журнал социальной работы. 1998. № 1; Власов П. В. Благотворительность и милосердие в России. М., 2001; «Благотворительность в России». Исторические и социально-экономические исследования, СПб, «Лики России», 2003. Бадя Л. В. Трудовая помощь как направление российского благотворения // Социальная работа в России: прошлое и настоящее. М.; Ставрополь, 1998; Бадя Л. В. Методологические аспекты трудовой помощи в России // Проблемы теории и методологии социальной работы. М., 2000; Храпоничева Е.В. Дома трудолюбия.// "Московский журнал", №9, 1999; Коненкова А.К.К истории социально-психологической адаптации трудных подростков в России. Рукавишниковский приют для малолетних преступников в Москве.// X Троицкие чтения. Гос. историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина. Большие Вяземы, 2007; Свято-Елисаветинские чтения. М.: ГАСК, 1997-2011.

«История русского искусства» под ред. М.М. Раковой, И.В. Рязанцева. Эпоха ампира нашла свое отражение также в «Этюдах по истории русского искусства» М.В. Алпатова, однако все эти исследования носят общий характер и отдельно на московском ампире не останавливаются. В 1970-е годы архитектура Москвы периода классицизма и ампира стала предметом рассмотрения М.А. Ильина, исследования которого были изданы как путеводители по архитектурным памятникам Москвы и Подмосковья. Вопросы, связанные с ампиром, были рассмотрены им также в монографии, посвященной архитектуре XVIII – I трети XIX вв. К сожалению, специальной литературы, посвященной русскому ампиру и в частности, московскому, до сих пор нет. Последние фундаментальные издания о русском ампире вышли в 1930-50-х гг в трудах Д.Е. Аркина, В.В. Згуры, А.И. Некрасова, Н.Н. Коваленской, А.А. Федорова-Давыдова. После длительного перерыва культурология и искусствоведение вновь обратились в конце XX – начале XXI вв к исследованию архитектуры Москвы после 1812 года. Большую роль в этом сыграла серия «Памятники архитектуры Москвы», в которой последовательно были рассмотрены все районы Москвы от Кремля и Центральных площадей, до Старых окраин города, недавно вошедших в его черту. Среди памятников древностей Москвы были исследованы и архитектурные постройки периода ампира. Во всех перечисленных трудах рассмотрены в основном светские постройки, дворцы, особняки и общественные здания. В последнее время возрос интерес к градостроительным аспектам ампира, что отмечено в трудах Евсиной Н.А., Кириченко Е.И., вопросы градостроительства этого периода были выделены в отдельный номер в журнале «Архитектурное наследство». Церковная архитектура по-прежнему не рассматривалась как самостоятельная область архитектурного творчества. Интерес к этой теме возрос в связи с выходом выдающегося труда П.Г. Паламарчука «Сорок сороков», в котором ему удалось собрать и обобщить данные по всем церквям Москвы, сохранившимся и уничтоженным в XX веке. Некоторое количество сведений о московской храмовой архитектуре Нового времени сообщает литература

краеведческого характера, появившаяся в последние годы.

В связи с возрождением храмостроительства в России в к. XX – н. XXI вв усилился интерес к изучению и пониманию символического смысла православной архитектуры. Определяющей в данном вопросе должна быть позиция Церкви, которая четко раскрыта в Богослужебной литературе, в частности в «Настольной книге священнослужителя» в разделе «Православный храм», которая в течение всего XX века была доступна только узкому кругу. На данный момент тексты этой книги выложены в интернете и могут быть прочитаны и изучены всеми интересующимися этим вопросом. Тема архитектурной символики совершенно не затрагивалась в искусствоведческой и культурологической литературе XX века. Впервые после 1917 года к изучению символики православного храма обратился Журнал московской патриархии, где в 1953 году была напечатана статья А. Ястребова «Храм, его символика и значение в жизни христианина» (№ 11), а в 1958 году – статья Л. Успенского «Символика храма» (№1). В 1990-е годы был выпущен сборник «Иконография архитектуры» целиком посвященный рассмотрению разных аспектов понимания архитектурных форм. В 1994 году вопросам толкования символики русского храмоздательства был посвящен отдельный номер православного журнала «К Свету» № 17. О символике писала крупнейший исследователь архитектуры XIX века Е.И. Кириченко в статье «Ветхий и Новый Завет в типах христианского зодчества» (Вестник Российского гуманитарного научного фонда. М., 2000, № 3.). Серия статей по данной теме написана И.А. Бондаренко. Все вышеперечисленные исследования касаются, в основном, рассмотрению символики древнерусского средневекового зодчества. Церковная архитектура Нового времени, основанная на ордерных формах, с этой точки зрения практически не изучена. В ряде статей вышедшего в 2004 году под редакцией И.А. Бондаренко сборнике «Христианское зодчество. Новые материалы и исследования» эта проблема частично освещена. Осмыслению применения ордерной системы в русском храмостроении XVIII-XIX веков посвящена также отдельная глава в исследовании С.Я. Кузнецова «Православие и архитектура»,

изданном в 2005 году. В целом, этот вопрос до сих пор остается в достаточной степени не изученным.

Источниковедческая база исследования. В формировании художественного облика города и его духовного пространства важнейшую роль играла церковная архитектура. Главы храмов и колоколен на протяжении столетий оставались высотными доминантами города Москвы. Храмовая архитектура Нового времени прошла через те же этапы развития, что и гражданская, подчиняясь той же смене архитектурных стилей – барокко, ранний, высокий и поздний классицизм. В то же время важным фактором в церковной архитектуре оставалось следование сложившимся традициям и правилам храмостроения. В работе будут рассмотрена духовная жизнь и культурные традиции приходских храмов – пятиглавых соборных храмов и одноглавых, а также церквей, являющихся организующим началом «малого ансамбля»: монастыря (монастырские соборные церкви), некрополя (кладбищенские церкви), общественного учреждения (домовые храмы).

Объект исследования – московская храмовая культура первой трети XIX в., включающая в себя архитектурные традиции этого времени, градостроительные принципы периода высокого классицизма и ампира, а также духовно-культурная жизнь московских приходов.

Предмет исследования – московские храмы первой трети XIX века, как особое явление культуры в его временных типологических и архитектурных характеристиках, а также в контексте духовной и культурной жизни приходов.

Цель исследования – выявить культурологические особенности московской храмовой и храмостроительной культуры первой трети XIX в., особое внимание уделяя роли и значению церковных построек в формировании архитектурного облика послепожарной Москвы и ее духовного пространства.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

- Дать авторское определение понятия «храмовая культура»;
- На основе трудов митрополита Платона (Левшина) и митрополита

Филарета (Дроздова) выделить основные принципы и направления развития приходской жизни в культуре Москвы;

- рассмотреть общие принципы застройки послепожарной Москвы как особой культурной ценности;
- определить круг памятников, с достаточной полнотой раскрывающих художественный образ храма эпохи ампира в общественном сознании Москвы первой трети XIX века;
- проанализировать особенности планировочной и объемно-пространственной композиции храмов в культурной жизни Москвы первой трети XIX в.;
- предложить культурологическую интерпретацию градостроительного значения (выявить градостроительное и культурное значение) исследуемых памятников, их место в ряду иных построек «малых» архитектурных ансамблей (некрополя, монастыря, общественного учреждения);

Методологическая и теоретическая основа исследования. Методология исследования определяется спецификой объекта исследования, его целью и задачами; ее основу составляют междисциплинарный и системный подходы. В работе использованы сравнительный, историко-генетический, культурно-феноменологический методы исследования, принятые в современной науке о культуре. Сравнительный метод широко используется при сопоставлении архитектурных особенностей московских церквей периода ампира, для выявления их стилистических и образных особенностей. Церкви этого периода рассматриваются как феномен храмовой культуры, формирующий духовную среду города. Используются также методы стилистического и иконографического анализа, традиционные для культурологии и искусствознания. Особое внимание уделено анализу первоисточников – памятников архитектуры.

Положения, выносимые на защиту:

1. Стилистические особенности и градостроительные функции

ампирного храма создают пространственную среду для храмовой культуры Москвы и являются одним из основных стержней развития отечественной культуры;

2. Образное содержание храмовой архитектуры ампира раскрывается в первую очередь через ее градостроительные и культурные функции;
3. Композиция и символика архитектурных форм ампирного храма в храмостроительной культуре этого периода соответствует традиционным понятиям и смысловому содержанию архитектуры православного крестовокупольного храма и в значительной мере определяет национально-культурную специфику рассматриваемой эпохи;
4. Стилистическая компонента храма отражается в обыденном сознании прихожан. Без изучения этого качества обыденной культуры людей рассмотрение облика культуры данной эпохи было бы неполным.
5. Ритмосмыслы храмовой культуры эпохи ампира при известных условиях становились реальным механизмом межкультурного диалога.

Научная проблема. В условиях глобализации актуальный вопрос о развитии культуры приходской жизни, ее просветительской, воспитательной, благотворительной функций, которые по традиции в значительной мере восполняют образовавшиеся ниши в социокультурной деятельности государства, находится в противоречии с неготовностью общественного сознания ответить на вызов времени.

Гипотеза исследования. Храмовая культура Москвы первой трети XIX века сформировалась в контексте духовной жизни Москвы, определяемой деятельностью митрополита московского Платона (Левшина) и митрополита московского Филарета (Дроздова), в рамках архитектурного храмового пространства ампира, позволяющего объективно судить о единстве

архитектуры, культурной и природной среды города.

Научная новизна исследования. Работа восполняет недостаточную исследованность в искусствоведческой и культурологической литературе роли церковных построек ампира в создании культурной пространственной среды Москвы. В работе рассмотрены вопросы соответствия церквей ампира традиционным понятиям о православном крестовокупольном храме, и в связи с этим рассмотрены вопросы символического наполнения архитектурных форм и композиции церковных зданий этого периода. В работе впервые рассмотрено и сформулировано понятие храмовой культуры, а также впервые проанализированы вопросы формирования приходской, духовной и культурной жизни храма первой трети XIX века. В диссертационном исследовании впервые рассматривается развитие целостной культурно-исторической и духовно-значимой внутренней и внешней – благотворительной деятельности этих храмов, заложившей основы национального менталитета и выраженной в многообразных творческих проявлениях отечественной культуры.

Теоретическая и практическая значимость работы. Анализ историко-культурологических, философских проблем, предложенный автором диссертации, может быть использован в вузовских учебных курсах и спецкурсах, а также при подготовке учебно-методической литературы по истории русской церковной культуры Москвы, а также культуры и искусства России 1 трети XIX века.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на заседании кафедры теории и истории культуры Государственной академии славянской культуры.

Основные положения диссертации были представлены автором в форме докладов на Международной научно-практической конференции «Молодежь-культура-политика: историческая память и цивилизационный выбор (Москва, Философский факультет МГУ им.М.В. Ломоносова, 27 ноября 2010 г.); Международном Круглом столе на тему «Святая Земля в русской культуре», (Тель-Авив, март, 2010 г.); VII Международной конференции студентов, аспирантов, молодых ученых «Культура России в XXI веке: Прошлое в

настоящем, настоящее в будущем» (СПб, Высшая школа народных искусств (институт), 5-6 мая 2011 г.); Международной молодежной межвузовской конференции «Роль славянской молодежи в процессе устойчивого цивилизационного развития. Славянства многоликий мир» (Москва, Московский Дом национальностей, 27 мая 2011 г.); а также на Троицких и Голицынских чтениях в Государственном историко-литературном музее-заповеднике А. С. Пушкина (Большие Вяземы, 2007-2008 гг.), аспирантской конференции «Культурные традиции и безопасное развитие общества» (Москва, ГАСК, 22 октября 2008 г.), и Круглом столе «Святая Земля в славянорусской культуре» (Москва, Московский дом национальностей, 23 мая 2011 г.).

Материал диссертации использован автором при подготовке спецкурса «Церковная архитектура в русской культуре XVIII – I половины XIX вв.», прочитанного для студентов искусствоведов и культурологов 4 курса дневного и заочного отделений.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и перечня источников, включающих архивные материалы, электронный ресурс и список использованной литературы, содержащий 165 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы диссертации, определены объект, предмет, цель и задачи исследования, выявлена степень разработанности проблемы, определена методологическая и теоретическая основа исследования. Сформулированы основные положения, выносимые на защиту, гипотеза исследования, дана характеристика научной новизны диссертационного исследования, определена научно-практическая значимость работы.

Глава I «Особенности московской храмовой культуры первой трети XIX в.» состоит из четырех разделов, в которых рассматриваются основные понятия, анализируемые в работе, раскрывается культурный смысл храмового строительства в Москве в первой трети XIX века.

1.1. «Понятие «храмовая культура» (московская храмовая культура)».

Раздел посвящен рассмотрению содержания и значения термина «храмовая культура», который в последнее время все чаще стал появляться в литературе, связанной с исследованием различных аспектов русской церковной культуры. Точное значение и основное содержание этого понятия до сих пор не определено. Тем не менее, оно является ключевым для понимания процессов становления духовной культуры Москвы и всей России в целом.

Исследователи, употребляющие данный термин, в основном связывают его с традицией храмового строительства, рассматривая историю создания, конструктивные и стилистические особенности церквей, построенных в то или иное время. Однако, этим не исчерпывается круг тем, объединяемых данным понятием. В русской традиции храм является не только архитектурным феноменом, средоточием не только религиозной, но и культурной жизни общества. Поэтому понятие «храмовая культура» обязательно должно включать исследование исторической миссии и роли храма в формировании отечественной духовной культуры и уклада русской жизни вообще.

На Руси церкви всегда были связаны с православным пониманием соборности. Именно храм становится тем местом, где человек восстанавливает свой Божественный образ через приобщение Христу. По мнению Церкви «возвращение к своему подлинному существу неотделимо от тайны соборности, когда человек начинает сознавать себя членом тела Христова. Напоенность одним Духом творит высшее единство, в котором каждый, не утрачивая своего индивидуального своеобразия, органически входит в состав сложного церковного организма: «Ибо, как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело, - так и

Христос» (1 Кор. 12, 12)»²².

Храмовая культура, это качественный показатель совокупности средств, способов, нравственных и эстетических регулятивов деятельности архитектора; это характеристика уровня его профессионализма и гуманизма определенного исторического типа в сочетании с корректностью и критическим восприятием культурного наследия предшествующих эпох; это процесс, учитывающий понимание места памятника духовной культуры в сложившейся социокультурной и природной среде, а также специфику межличностных отношений в развивающейся приходской жизни.

Определение в полной мере можно отнести и к Московской храмовой культуре с неизменным учетом ее региональных особенностей, которые в разных городах будут во многом иными при их сравнении. Если сопоставить московскую и петербургскую храмовую культуру, то, говоря о первой, можно отметить ее большую камерность, домашность, отсутствие помпезности. Эти архитектурные и культурологические характеристики всецело соответствуют отзывам о московском быте, которые можно найти в воспоминаниях современников: «У нас судят более здраво; нет той утонченности в обычаях, которая встречается у вас, положим, но более простоты в мыслях; мы гораздо скромнее, не имеем разного рода претензий и легче подчиняемся правилам, которых держались наши деды и отцы – по-моему, это способ делать меньше глупостей»²³. Атмосфера московской жизни способствовала формированию притягательности архитектуры первой трети XIX в. Следует отметить, что храмовая культура Москвы первой трети XIX века носила более национальный характер, чем воплощенный в церквях европейский образ Петербурга. В письмах этого периода мы можем встретить такие высказывания о Москве: «Те, кто воспитывается в Петербурге, выходит не вполне русскими, а за пределами России и подавно перестают быть русскими», «кажется, всякий русский должен

²² Настольна книга священнослужителя. Православный храм. Глава 1. Небесное и земное в символике православного храма. // Электронный ресурс-
http://azbyka.ru/tserkov/bogosluzheniya/liturgika/nastolnaya_kniga_svyaschennosluzhitelya_02-all.shtml- дата посещения 10.04.2011.

²³ Грибоедовская Москва в письмах М.А. Волковой к В.И. Ланской. 1812-1818. М., [Б.г.]. С.246-247

больше всего любить Москву»²⁴.

1.2. Сотериологический смысл храмовой архитектуры первой трети XIX в. Символика форм.

Архитектура по своей природе символична. Один из наиболее интересных современных польских церковных архитекторов писал, что архитектура «через эстетику ... ведет к религии, а после этого перестает быть произведением художественным, ибо становится выведенным на уровень сферы литургической, сакральной».²⁵

Церковное искусство и духовная культура в целом содержат в себе сложную систему символов, раскрывающих и передающих их духовный смысл. Язык символов, сложившийся еще в раннехристианском изобразительном искусстве, сохранялся в течение всей истории церкви и получил развитие в иконописи и монументальной церковной живописи. В архитектуре, связанной с утилитарными задачами, строительными материалами, возможностями применяемых конструкций, то есть во многом с техническими и культурными достижениями своего времени, гораздо сложнее, чем в живописи, проследить использование архитектором символов в композиции создаваемого церковного здания. Целый ряд исследователей архитектуры, считают, что «нет никаких оснований объяснять те или иные особенности внешнего облика русских церквей их символическим значением»²⁶. В трудах святых отцов, в частности, Максима Исповедника, есть рассуждения на тему символического значения церковной архитектуры: «Церковь есть образ и подобие мира в целом его составе, состоящего из существ видимых и невидимых; так как в ней примечается подобное же и единство и разделение, как и в мире»... «Весь мысленный мир таинственно в символических образах представляется изображенным в мире чувственном для тех, кои имеют очи видеть, и весь мир чувственный, если любознательно умом разбирать его в самых началах,

²⁴Грибоедовская Москва. Ук.соч. С.239-240, с.678-680.

²⁵ Устинович Ежи. Новые церкви в Белостоке и Гродно: традиции архитектуры пограничья.// Архитектура и строительство, №3 (214), 2010.

²⁶ Бусева-Давыдова И.Л. Символика архитектуры по древнерусским письменным источникам XI-XVII вв // Герменевтика древнерусской литературы XVI-XVIII веков. М., 1998. С.279-308.

заклучается в мире мысленном»²⁷. Поэтому, опираясь на святоотеческие труды, средневековые тексты и труды русских историков, в частности, В.Н. Татищева, многие исследователи считают, что архитектура символична и вопрос о ее символике требует подробного и тщательного изучения²⁸.

Формы архитектуры храмов рассматриваемого времени это живые формы историко-культурного бытия в рамках реально складывающегося культурного контекста, символически отражающие новый образ исторической духовности, новые интенсивные факторы культурной жизни города. Символика ампириного храма постепенно входила в духовный и культурный мир грядущего, незримо соотнося это внешнее движение с внутренними мотивами укрепления церковной соборности, одновременно становясь уникальным по своему значению культурным наследием.

1.3. Образ храма-памятника как выразителя духовного подъема в России после победы в Отечественной войне 1812 года.

По древней традиции на Руси память о каком-либо выдающемся событии или победе в военных действиях отмечали строительством церкви. Например, в честь победы над волжскими булгарами по приказу князя Андрея Боголюбского в 1165 году был построен храм Покрова на Нерли²⁹. По обету великого князя Василия III в 1524 году был построен Смоленский собор Ново-Девичьего монастыря, посвященный главной святыне Смоленска – иконе Богородицы Одигитрии Смоленской, даровавшей освобождение города от польско-литовского господства³⁰. В память взятия города Казани царем Иваном IV по его указу в 1555 году был построен Покровский собор, что на Рву в Москве (храм Василия Блаженного).³¹

Таким же по значимости было строительство во многих городах России

²⁷ Цит. По ст.: Мельник А.Г.К вопросу о символике наружных форм храма XVII в.//Сообщения Ростовского музея. Вып.1. Ростов, 1991. С.145-151.

²⁸ Мельник А.Г.К вопросу о символике наружных форм храма XVII в.//Сообщения Ростовского музея. Вып.1. Ростов, 1991. С.145-151.

²⁹ Воронин Н.Н. Владимир. Боголюбово. Суздаль. Юрьев-Польской. М.: «Искусство», 1974.С.135.

³⁰ Овсянников Ю.А. Ново-Девичий монастырь. М.: «Искусство»,19687. С.6; Цюрик Л.В.Новодевичий монастырь. М.: «Советская Россия», 1970. С.4.

³¹ Ильин М.А. Русское шатровое зодчество. Памятники середины XVI века. Проблемы и гипотезы, идеи и образы. М.: «Искусство»,1980. С.67.

церквей в память победы русских войск над Наполеоном. Среди них особо значимым было строительство храма Христа Спасителя в Москве. Общественность Москвы и России увидела в сооружении такого храма моральный императив грандиозной значимости, мотивированный высшими нравственными и культурными соображениями. Приоритетная роль такого строительства имела глубокие корни в толще народного сознания, что послужило мощным толчком для стремительного создания этого символа всенародной признательности и духовной культуры народа.

В частной переписке этого времени, мы встречаем высказывания, передающие общую атмосферу высокого патриотизма, пробудившегося в связи с военными действиями: «О! как дорога и священна родная земля! Как глубока и сильна наша привязанность к ней!»³² «Мне хочется по порядку обойти все соборы...Грустные происшествия 1812 года возбудили мое любопытство, и теперь я намереваюсь ознакомиться с достопримечательностями Москвы»³³. Подвиг москвичей в войне 1812 года, пожертвовавших всем своим имуществом (а тогда разорились многие, даже довольно состоятельные люди), а некоторые и жизнью ради спасения России, в общем сознании сливался с образом города, принесенного в жертву ради спасения всей страны и Европы в целом: «...Нельзя не чувствовать благодарности к Москве, когда подумаешь, что она спасла всю Европу»³⁴. Здесь мы видим, как архитектурное пространство города с его многовековой историей формирует мышление живущих здесь людей, но и, в свою очередь, мышление и поступки людей формируют образ города, его архитектурное и культурное пространство. «Пространство в архитектурном мышлении не похоже на абсолютное пространство ньютоновской физики или на пространство-время общей теории относительности.- писал один из теоретиков истории архитектуры, - Скорее, - это культурное, переживаемое человеком пространство, которое не только отражается в мышлении, но и

³² Грибоедовская Москва. Ук.соч. С.602-604

³³ Грибоедовская Москва. Ук.соч. С.565-568

³⁴ Грибоедовская Москва. Ук.соч. С.678-680.

порождается им»³⁵.

1.4. Роль ампириного храма в создании эстетической и культурной характеристики пространственной среды городского ансамбля.

В формировании художественного облика города важнейшую роль играла церковная архитектура. Главы храмов и колоколен на протяжении столетий оставались высотными доминантами города Москвы, притягивая на себя взгляд, они всегда являлись основой городского пейзажа в человеческом восприятии. Храмовая архитектура Нового времени прошла через те же этапы развития, что и гражданская, подчиняясь той же смене архитектурных стилей – барокко, ранний, высокий и поздний классицизм. В то же время важным фактором в церковной архитектуре оставалось следование сложившимся традициям храмостроения.

Формируя новую ситуацию в культуре, архитектура обнаруживает сопоставление различных точек зрения на храмовое строительство. После пережитых военных катастроф дает о себе знать особое стремление к проповеди красотой, стройностью, изысканностью пропорций, стремление к гармонии, столь важное для растревоженных приходов. Доминантой приходской жизни становится нравственная культура как сила еще неведомого грядущего дня. Приходам необходимо было преодолеть кризис культуры как обнищание духа, обусловленный не только поруганием святынь Москвы, но важно было, воздвигая храмы, увидеть чистые ризы Родины.

В храмовой культуре Москвы первой трети XIX века заметно не только проявление индивидуальности в строительстве и приходской жизни, но и особенности коллективного видения, присущего этой исторической эпохе. Ампириная культура обнаружила, какие огромные потенциальные силы таились в народе, в развивающейся приходской жизни. Остается сожалеть о том, что утрачены многие имена людей, ставших подлинным источником формирования новой храмовой культуры данного периода, которые в свое время были

³⁵ Концепции архитектурного пространства. Обзор./ Автор А.Г. Раппапорт. М.:ЦНТИ,1988.

незримыми, но высшими авторитетами в строительстве приходской жизни. Этот вопрос пока остается открытым, но поиск должен быть продолжен.

Несмотря на изначально заданные условия планировки (необходимость «вписать» новое здание церкви в уже сложившуюся городскую застройку), несмотря на конкретный участок земли, часто небольшого размера или имеющий иногда неправильную форму, архитекторы находили возможность создать вокруг храма обозримую пространственную среду, по-разному оформить каждый фасад с учетом его ориентированности на город. Таким образом, архитекторы создавали особое культурное пространство каждого храма, дополнявшее его образную характеристику, определявшее восприятие храма прихожанами. Некоторые храмы оказывали особое духовно-культурное влияние на жителей Москвы, и посещая церковь, к приходу которой они были приписаны, москвичи, тем не менее, выделяли тот или иной храм и старались бывать там в особенные моменты своей жизни. Об этом пишет В.М. Бокова, отмечая, что «в первой половине века наиболее популярны были церкви Голицынской больницы, Коммерческого училища, храм Василия Блаженного, Большое Вознесение на Никитской, «Всех Скорбящих Радость» на Ордынке и церковь Никиты Мученика на Старой Басманной»³⁶.

Эти храмы формировали культурную среду отдельных улиц и города в целом как силу, активно противостоящую злу. В этих храмах было столько внешнего и внутреннего достоинства, что жизнь прихода осознанно и подсознательно погружалась в контекст избранного культурного, ценностного поля. Однако и здесь существовала очевидная культурная проблема – недостаточность стимулов социокультурного порядка, побуждающих людей к позитивному изменению окружающей их культурной среды.

Смысл создания ампирических храмов состоял в поощрении прихожан к благотворению, выражая высокую форму признания заслуг перед Москвой и Отечеством целого ряда лиц. Храм более становится символом средоточия духовной и культурной жизни прихожан. Более того ампирические храмы

³⁶ Бокова В.М. Повседневная жизнь Москвы в XIX веке. М.: Молодая гвардия, 2010. С.352.

способствовали выявлению авторского замысла, который соотносился с символом верности великому служению. На облике ампирного храма всегда лежала печать гармонии, духовного равновесия и достоинства.

Сохраняя в себе художественные особенности древнерусского зодчества, церковные здания этого периода, тем не менее, несли стилистические черты, распространенного в это время стиля ампира, жесткая пластика которого соответствовала новой регулярной застройке города Москвы. Такой храм хорошо сочетался с прямыми, геометрически четкими линиями улиц в планировке классицизма.

Таким образом, первая треть XIX века является важным периодом в развитии духовной жизни Москвы – древней столицы России. Основанная в XII веке князем Юрием Владимировичем Долгоруким Москва прошла разные этапы в развитии и формировании архитектурного пространства города, организующего и определяющего его культурную среду. Как для всей России, так и для Москвы, переломным этапом явился XVIII век – время резкого разрыва со средневековыми традициями и вхождения в исторический период Нового времени. Это сказалось на всех сторонах жизни государства, внутренней и внешней политике, экономике и хозяйственной жизни. Внешне эти изменения особенно были заметными в культуре и искусстве, отразившим изменения в характере и укладе жизни людей, переход от церковности к светскости. Получившая тогда распространение ордерная архитектура внешне коренным образом отличалась от древнерусской. Однако, анализ храмовой культуры Москвы первой трети XIX века показывает, что она продолжает развитие предшествующих традиций. Это прослеживается в сохранении сотериологического смысла храмовой архитектуры, символике архитектурных форм. Победа в Отечественной войне 1812 над опасным противником, «над антихристом», как говорили в обществе вызвала в России небывалый духовный подъем, привела к созданию героического образа в архитектуре - храма-памятника воинской славы, что явилось продолжением традиции XVI – XVII веков.

Анализ особенностей планировочной и объемно-пространственной композиции храмов Москвы первой трети XIX в. свидетельствует об их исключительной роли в формировании культурного пространства города. Характерной чертой градостроительного метода московской архитектурной школы первой трети XIX века, является «деликатное «вхождение» в пространственную структуру города и поиски архитектурных средств композиционного влияния на пространственную среду без коренной ломки ее структуры».³⁷

Глава II «Храмовая архитектура в московской храмовой культуре первой трети XIX в.» состоит из пяти разделов, в которых проведена типология церковных зданий первой трети XIX века и определена их роль в создании культурной среды города, их градостроительные и культуuroобразующие функции.

2.1. Пятиглавие ампириных храмов как соединение традиционного завершения древнерусского культового здания и эстетических категорий Нового времени в русской культуре

Традиционным символическим завершением древнерусского православного храма считается пятиглавие. Однако оно являлось неорганичным для культурного сознания Нового времени, основанного на архитектурных традициях барокко и классицизма, использовавших античные ордерные формы. Утверждение пятиглавия связано с подъемом национальных традиций в культуре конца XVIII века – первой трети XIX века и отходом от базиликальных решений архитектуры Петровского времени. Пятиглавие было возвращено в архитектуру как традиционное венчание древнерусского собора, подчеркивая преемственность зодчества конца XVIII века – первой трети XIX века с искусством средневековой Руси, в свою очередь, воспринявшую пятиглавие от Византии³⁸. Пятиглавые композиции придают монументальность архитектурному решению ампириного храма, выделяя его из городской

³⁷ Гуляницкий Н.Ф. Градостроительная основа творческого метода В.П. Стасова //Архитектурное наследство.№25.М.: Стройиздат,1976. С.116-130.

³⁸ Федотова Т.П. К проблеме пятиглавия в архитектуре барокко первой половины XVIII века.//Русское искусство барокко. Материалы и исследования. Под ред. Т.В. Алексеевой. М.: «Наука», 1977. С.70-87.

застройки.

2.2. Смыслообразующее значение ампириного храма в символической организации социокультурного пространства.

Исследователи теории архитектуры считают, что одной из существенных функций архитектуры является воссоздание пространства. Оно условно, так как характеризует некие абстрактные свойства, оно создается людьми и существует в сознании людей³⁹. В свою очередь, архитектурные объекты способны оказывать обратное воздействие на формирование социокультурных моделей жизни, «создавать условия для возникновения новых видов деятельности, становясь формой их существования и способом функционирования»⁴⁰, то есть влиять на сознание людей. По мнению Ю.М. Лотмана, архитектура «должна оцениваться в рамках культурной деятельности человека», так как сознание «и индивидуальное и коллективное (культура), – пространственно. Оно развивается в пространстве и мыслит его категориями. Оторванное от создаваемой человеческой семиосферы (в которую входит и созданный культурой пейзаж) мышление просто не существует»⁴¹. Теоретические утверждения культурологии и теории архитектуры особенно актуальны для эпохи ампира, стилистический образ которого наиболее ярко раскрывается через создание ансамбля. В таком городе, как Москва, где рядом существуют здания разных исторических эпох, градостроительные решения ампира обладают особым глубинным смыслом, объединяя «прошлое и настоящее» в единое пространство. Эта функциональная особенность ампира ясно выражена в ансамблевых композициях с одноглавыми храмами в центре, обладающими более компактным и более четко очерченным, чем пятиглавые, силуэтом. В городском архитектурном ансамбле церковь, как правило, замыкает перспективу нескольких улиц, доминируя в застройке своими размерами и вертикалью купольного завершения. По мнению, выдающегося архитектора XX века Ле Корбюзье, основной линией архитектурного

³⁹ Шубенков М.В. Структура архитектурного пространства. Автореферат на соискание уч.ст.доктора архитектуры. М.,2006. С.13.

⁴⁰ Шубенков М.В. Ук.соч. С.14.

⁴¹ Лотман Ю.М. Архитектура в контексте культуры // Семиосфера. СПб.: "Искусство - СПб", 2000.С. 683

сооружения является осевое построение. Оно сравнимо с двухмерной пространственной моделью и присуще базиликальным композициям католических храмов в европейской архитектуре Нового времени. Центрические композиции православных храмов московского ампира воссоздают пространственную трехмерную модель структуры мира, перенося эти характеристики и на ансамбль, центром которого они являются. Таким образом стилевые особенности ампира позволяют объединить Средневековые застройки и застройки Нового времени, и тем сохранить духовное пространство города, то есть систему архитектурного символизма, присущего только данному городу. По мнению Ю.М. Лотмана «определить природу этой исторической семиотики труднее, чем стилизовать архаические детали»⁴². Скрытые от сознания, но определяющие поведение людей значения пространственных форм образуют область неявной культуры⁴³.

2.3. Монастырские храмы первой трети XIX в. и их культурная роль в общей композиции ансамбля монастыря.

Примером возведения ампиричного здания в исторической среде пространства монастырской культуры может служить Троицкий собор Московского Свято-Данилова монастыря, построенный в 1833-1838 годах по проекту архитектора О.И. Бове. Следуя московской культурной традиции, храм спроектирован таким образом, что он своими монументальными ордерными формами не подавляет, а лишь завершает исторически сложившийся ансамбль монастыря, придавая ему более значительный масштаб и выразительность: собор выходит на площадь восточным одноапсидным фасадом, а более активные монументальные дорические портики расположены на боковых фасадах собора и не являются главной темой ансамбля площади, а воспринимаются по мере движения вокруг храма. Немаловажно и то, что в отличие от вертикальных объемов остальных памятников, собор невысок и решен в подчеркнуто горизонтальных пропорциях, вытянут по поперечной оси

⁴² Лотман Ю.М. Архитектура в контексте культуры. Ук.соч. С.680.

⁴³ Концепции архитектурного пространства. Обзор./ Автор А.Г. Раппапорт. М:ЦНТИ,1988

храма вдоль площади. В то же время купол на высоком барабане, увенчанный фонариком, перекликается с вертикалями других сооружений монастыря, а классические кубикеры на его барабане вводят дополнительный масштаб и больше увязывают купол с барочными венчаниями архитектурных доминант монастыря.

2.4. Храм – как сакральный и культурный центр некрополя.

Традиционно территория некрополя исторически складывалась вокруг центра – кладбищенского храма без какого-нибудь определенного плана. Первые ансамблевые планировочные решения в Москве были разработаны в период ампира, в связи с возникновением в конце XVIII века новых кладбищ за границей города. Территория кладбища, по самому его назначению, замкнута и не открывается в планировку города. Связующими с городом элементами всего архитектурного ансамбля, как правило, является композиция ворот и хозяйственных зданий, выходящих на улицу и повторяющих некоторые архитектурные элементы церкви. Через них церковь, являющаяся композиционным центром планировки некрополя, приобретает значение градостроительного ориентира и для окружающего некрополь района.

2.5. Домовые храмы Москвы – развитие идейного и композиционно-образного смысла общественного здания

В истории архитектуры и культуры Руси домовые храмы не были предметом отдельного исследования, так как никогда не являлись самостоятельными архитектурными сооружениями и до начала XIX в. не выделялись во внешнем объеме здания и организации его фасадов. В XIX веке в соответствии с принципами ампира домовый храм стал визуальным центром архитектурной композиции общественного здания. Возвышаясь над ним или выступая на плоскости фасада, он притягивает к себе взгляд, делая общественное здание внешне более устойчивым и одновременно подчеркивая смысл его общественного служения, будь то университет, учебное заведение, больница или социальное учреждение.

Таким образом, исследование архитектурных ансамблей Москвы первой

трети XIX века показывает, что несмотря на внешне чуждые средневековой архитектуре ордерные формы, общее образное решение церковных построек первой трети XIX века во многом перекликалось с композициями древнерусских храмов. «Ордерность» же понималась чаще как структурность здания, благодаря которой можно было подчеркнуть соотношение несущих и несомых частей постройки.

К чертам, сближающим московскую архитектуру ампира со средневековым зодчеством, можно отнести стремление к целостности силуэта, монументальность и укрупненность форм, подчеркивание массива стены, центричность композиции самого здания, рассчитанного на обозрение со всех сторон.

Важной чертой церковной архитектуры данного времени является возвращение традиционного пятиглавия, не характерного для архитектуры классицизма, зато подчеркивающего органичную связь с древнерусским зодчеством.

Градостроительная функция московской храмовой архитектуры первой четверти XIX века является наиболее значимой в системе ее характеристик, особенно полно раскрывая ее образное содержание. Это прослеживается в окруженных активно функционирующим городским пространством приходских храмах, вносящих в него организующее начало. Такой же смысл ансамблевой организации имеет соборный храм монастырского комплекса, объединяющий разновременные церковные постройки, создавая замкнутую архитектурную среду монастырской жизни. Церковь как ведущая часть архитектуры некрополя с одной стороны замыкает его пространство, с другой – через систему архитектурных элементов раскрывается в город. Архитектурное оформление домового храма тесно связано с функциями учреждения, подчеркивая его общественный характер.

Глава III «Культура приходской жизни московских храмов первой трети XIX века» состоит из двух разделов, в которых рассматривается возрождение духовности в русской культуре первой трети XIX века. В

соответствии с этим начинает формироваться приходская жизнь храмов. Особенность этого периода состоит в том, что в эту деятельность активно вовлекаются представители высшего света, дворянства. Огромную роль в этом процессе сыграли духовные труды и просветительская деятельность митрополита московского Платона (Левшина) и митрополита московского Филарета (Дроздова). Культура приходской жизни рассматривается на примере церкви Большое Вознесение, как наиболее известной и тесно связанной как с представителями русского дворянства, так и с творческой интеллигенцией. В постсоветский период, именно вокруг церкви Большое Вознесение, стала впервые за долгие годы складываться приходская жизнь. Как и до 1917 года, она также стала центром духовной жизни русской творческой интеллигенции.

3.1. Возрождение духовного пространства города в начале XIX века. Митрополит Платон (Левшин) и митрополит Филарет (Дроздов).

После эпохи относительного духовного упадка, которым считается XVIII в., благодаря деятельности митрополита Платона (Левшина) начинается духовное возрождение России. В первую очередь оно связано с восстановлением института старчества – по инициативе митрополита Платона началось возрождение Оптиной пустыни на основе устава монашеской жизни, возрожденного преподобным Паисием Величковским, и устройство Иоанно-Предтеченского скита, прославившегося старцами, духовно окормлявшими впоследствии значительную часть русского народа. Огромное значение имела деятельность митрополита по развитию образования в среде священников и лиц духовного звания, открытие новых духовных училищ, в частности Вифанского скита. Деятельность его преемника митрополита Филарета (Дроздова) связана с развитием духовности в дворянской среде. Основание по благословению митрополита Борисо-Глебского Аносина монастыря княгиней Е.Мещерской в память о безвременно скончавшемся муже, основание Спасо-Бородинского монастыря Маргаритой Тучковой на Бородинском поле на месте гибели ее мужа – генерала А.А. Тучкова, основание потомком Смоленского дворянского рода Верховских старцем Зосимой Троице-Одигитриевой пустыни, основание

самим митрополитом Филаретом Гефсиманского и Черниговского скитов Троице-Сергиевой лавры, ставших также местом духовного старческого подвига. Начало XIX века было временем духовных трудов преподобного Серафима Саровского, известного всей России, и уже при жизни почитавшегося святым. Благодаря деятельной помощи митрополита Филарета было издано первое жизнеописание преп.Серафима Саровского.

3.2. Культура приходской жизни церкви «Большое Вознесение» в контексте исторического развития духовной культуры Москвы.

Приход храма Большое Вознесение благодаря своему составу и в силу близости к царским владениям занимал особое положение в храмовой культурной жизни Москвы. Прихожанкой храма была царица Наталья Кирилловна со своими домочадцами («люди царицына чина»), представители московской знати, старинные московские дворяне, а также клирики московских кремлевских соборов. В храмовых документах упоминаются князь Федор Юрьевич Ромодановский, стольники Алексей Иванович Гундоров, Семен Иванович Дурново, Лука Богданович Каблуков, Семен и Григорий Борисовичи Львовы, Григорий Григорьевич Неелов, Иван Иванович Щепотьев, Василий Никитич Тараканов, Иван Андреевич Поливанов, Родион Дмитриевич Сабуров, Михаил Воинов и Иван Акинфов, выдающийся дипломат Петр Павлович Шафиров, канцлер, князь Алексей Михайлович Черкасский. В приходе церкви Вознесения Господня родился выдающийся русский полководец Александр Васильевич Суворов, здесь были похоронены его родители. Членами прихода являлись потомки выдающегося русского математика петровского времени Леонтия Филипповича Магницкого. Огромную роль в формировании культурного пространства церкви Большое Вознесение сыграл виднейший русский государственный деятель, генерал-адъютант, член государственного совета, фаворит императрицы Екатерины II Григорий Александрович Потемкин. Храм связан с именами двух московских святителей, определивших духовную жизнь Москвы и всей России конца XVIII-начала XIX века. Строительство нового здания церкви Большое Вознесение благословил в 1790-е

годы митрополит Московский и Коломенский Платон (Левшин), а освящал в 1848 году уже построенный храм святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский и Коломенский. В этом храме в 1925 году служил свою последнюю литургию святитель патриарх Тихон (Белавин), а освящал вновь открытый храм в 1990-м году патриарх Московский и всея Руси Алексий II (Ридигер). К строительству храма имели отношение выдающиеся зодчие конца XVIII – середины XIX века В.И. Баженов, М.Ф. Казаков, Ф.М. Шестаков, Н.И. Козловский, А.Г. Григорьев, М.Д. Быковский. С храмом Большое Вознесение благодаря тому, что здесь венчался А.С. Пушкин, связан и круг его друзей и поклонников – поэты и писатели «Золотого века» русской литературы. Это нашло свое отражение в сложившейся новой традиции 1990-х годов – в Большом Вознесении каждый год служат панихиды по А.С. Пушкину, Ф.М. Достоевскому, М.И. Цветаевой. Приходская жизнь Большого Вознесения определила и направление просветительской деятельности Воскресной школы при Большом Вознесении – изучение классической русской литературы, чтение стихов, проведение благотворительных литературных вечеров.

Храм часто посещали артисты Императорского Малого театра, здесь отпевали великого актера М.С.Щепкина. Традиция посещения храма московской интеллигенцией продолжилась, несмотря на отделение церкви от государства после 1917 года. В 1920 году в Большом Вознесении происходило венчание дочери Ф.И. Шаляпина, а сам великий певец читал здесь Апостол и пел на венчании. В 1923 году в Большом Вознесении отпевали архидиакона Константина Розова, а в феврале 1928 года архиепископ Трифон (Туркестанов) отпевал здесь великую трагическую актрису Марию Николаевну Ермолову.

В 1931 году храм был закрыт, в помещении сначала размещался производственный цех, затем концертный зал. Казалось, духовные нити, связывающие передовых и образованных людей того времени, прервались. Но когда 23 сентября 1990 года здесь возобновились богослужения, храм «Большое Вознесение» вновь стал средоточием духовной жизни московской

интеллигенции⁴⁴.

Таким образом, исследование истории строительства церкви Вознесения Господня, что у Никитских ворот («Большое Вознесение»), изучение истории постепенного формирования ее прихода, показывает, что стилевые особенности храма создавали ту культурную среду, которая была наиболее привлекательной для московской интеллигенции. В свою очередь благодаря их участию в приходской жизни храма, «Большое Вознесение» оказалось включенным в основные культурные процессы XIX века, глобальные исторические события Москвы и России в целом, рубежа XIX – начала XX века.

В заключении подводятся итоги исследования, намечаются перспективы научной разработки данной темы.

Рассматривая возможность сосуществование разных эпох в городском ансамбле, Н.В. Гоголь писал, что «город должен состоять из разнообразных масс, если хотим, чтобы он доставлял удовольствие взорам»⁴⁵. В этой фразе великим писателем интуитивно заложена концепция перспективного развития исторических городов, особенно актуальная для России. Каждый город является постоянно растущим живым организмом, требующим быстрого решения утилитарных технических и эстетических задач. Исторические здания ветшают, стареют, их сносят, частично или полностью перестраивают. Таким образом, проблема совместимости построек разных эпох постоянно присутствует в современной архитектурной и культурной практике. Долг современных градостроителей перед русской культурой не разрушать уже сложившийся архитектурный ансамбль, а поддерживать его и творчески развивать. Для его исполнения необходимо выявить основную «идею города», его духовный смысл. Еще древние античные градостроительные законодательства, правила, записанные в древнерусских «Кормчих книгах» определяли правила застройки города таким образом, чтобы не нарушать взаимосвязи жилых сооружений с природой, общественными постройками,

⁴⁴ Протоиерей Владимир Диваков: Церковь «Большое Вознесение» — центр духовной жизни интеллигенции. Электронный ресурс- <http://www.patriarchia.ru/db/text/215430.html> - дата посещения 10.01.2011.

⁴⁵ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. [М.], 1952. Т. 8. С. 64, 71.

памятниками, окружающими дома садами.

Организуя пространство средствами архитектуры, человек не только создает утилитарную среду обитания, он воплощает свое видение мира, свои представления о красоте и гармонии. Концентрацией этих представлений, наивысшим достижением каждого временного периода является храмовая архитектура, коренным образом отличавшаяся от общественных и жилых построек разного уровня. Храмовая архитектура заключала в себе культурный код эпохи, ее сакральный смысл. В древнем и средневековом мире храм был средоточием не только духовной, но и общественной деятельности, организовывая пространство, формировавшее духовный и культурный мир человека.

В эпоху сложения больших мировых стилей, таких как классицизм конца XVIII – первой половины XIX веков, христианские храмы, часовни, монастыри, из-за активного применения архитекторами ордерных систем, возведению грандиозных колоннад, внушительных портиков, доминированию непривычного для храмостроительства, но традиционного для классицизма желтого цвета стали похожи на казенные учреждения. Но эта тенденция не стала правилом в древнерусских городах с уже сложившимся собственным духовным и художественным пространством. Таким городом, оказавшим сильное влияние на принципы классицистического строительства, стала Москва с ее многовековой культурной историей. Наиболее сильно это влияние проявилось в первой трети XIX века в эпоху распространения стиля ампир, в глубине которого зародились предпосылки к возрождению национальных традиций древнерусского зодчества. Этому во многом способствовали патриотические настроения, охватившие значительную часть населения России в связи с отражением нашествия армии Наполеона. Пережив ужасы военного времени, трагедию потери близких, попрание родной земли, страх возможности чужеземного гнета, при первых же проявлениях победоносных действий русской армии люди испытали небывалое чувство духовного подъема, который в первую очередь отразился в культурных преобразованиях эпохи. Особенно

это коснулось Москвы, ставшей символом спасения России и Европы, и отразилось на ее духовной жизни. Быстрое возрождение церквей способствовало возрождению и дальнейшему развитию храмовой культуры города. Начало этого процесса было подготовлено пастырской деятельностью духовных лиц, московских митрополитов, стоявших у руководства духовной жизнью Москвы в конце XVIII – первой половине XIX века и способствовавших укреплению нравственных традиций общества.

Фундаментальные основы храмовой культуры, заложенные в это время, несмотря на исторические трагедии последующих времен, пережитые народом, позволили почти через двести лет вновь возродить и дать развитие на новом уровне церковной жизни, традиций благотворительности, духовности в образовании и культуре.

Утраты памятников культуры, и прежде всего церковной культуры, произошедшие за XX век невосстановимы, так как памятники культуры всегда индивидуальны, всегда связаны с определенной эпохой, с определенными мастерами. Мощная культура прошлых веков, накопленные традиции, культура приходской жизни, должны помочь восстановить, прежде всего, нравственные основы общества.

Храмовая культура, являясь традиционным механизмом культурного общения, приобретает особое значение в качестве средства взаимообогащения культур разных народов. Развитие храмовой культуры дает более глубокое понимание своей культурной самоценности, ее существенного отличия от других культур и цивилизаций, являясь в то же время гарантом сохранения цивилизационного многообразия мира. Будущее развитие храмовой культуры в России обусловлено многими обстоятельствами, связанными прежде всего с уровнем культуры современного общества, с углублением научного интереса к изучению таких сложных периодов культуры, как эпоха ампира.

Основные положения диссертационного исследования опубликованы в следующих работах:

Статьи, опубликованные в журналах, из перечня, утвержденного ВАК

Министерства образования и науки РФ

1. Культура приходской жизни церкви Большое Вознесение. Исторический обзор.// Вестник славянских культур. № 1 (XIX) – ГАСК. М.: 2011. С.50-59. - 0,6 п.л.

2. Храмовая культура Москвы. Возрождение приходской жизни в к. XX-н. XXI в.//Вестник славянских культур. № 3 (XXI) – ГАСК. М.: 2011. С.58-67. - 0,7 п.л.

Монография

3. Московская храмовая культура первой трети XIX в. Монография. М.: ГАСК, 2011. – 8 п.л.

Статьи в сборниках

4. Классицизм в русской церковной архитектуре. Троицкий собор Свято-Данилова монастыря в Москве.//Сборник докладов. Троицкие чтения. 2007. – М.: «Мелихово», 2007. С.82-92.- 0,25 п.л.

5. Домовые храмы в духовно-культурной жизни Москвы.// Вестник славянских культур. № 3-4 (X) – ГАСК. М.: 2008. С.88-96. - 0,5 п.л.

6. Традиции позднего классицизма в культуре храмового строительства Польши и России.//Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. Сборник статей. М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С.372-378. - 0,3 п.л.

7. Возрождение культуры древнерусского «храмоздательства» (храмы-памятники в честь победы в войне 1812 г.)// Сборник тезисов Международной молодежной межвузовской конференции: Роль славянской молодежи в

процессе устойчивого цивилизационного развития. Славянства многоликий мир. М.: ГАСК, 2011. С.77-79.- 0,2 п.л.

8. Возрождение национальных традиций в культуре приходской жизни церкви «Большое Вознесение»././ Культура России в XXI веке: Прошлое в настоящем, настоящее в будущем. Сборник докладов. СПб: Высшая школа народных искусств (институт), 2011.– 0,25 п.л.

9. Анализ особенностей храмовой культуры на примере стилевой функциональности ампира в городском пространстве././ Вопросы культурологии. М.: ГАСК, 2011.- 0,4 п.л.

Учебно-методическая работа

10. Церковная архитектура в русской культуре XVIII – I половины XIX вв. Спецкурс. Учебно-методический комплекс (для студентов очной и заочной формы обучения на специальностях культуролого-искусствоведческого профиля). М.: ГАСК, 2011.- 2 п.л.